

ИЗБЕРИ ЖИЗНЬ

ЧТОБЫ ЖИТЬ ДОСТОИНСТВО ТВОЕ (ВТОР. 30. 19) | Издание храма Покрова Пресвятой Богородицы х. Ветютнев

По благословению митрополита Волгоградского и Камышинского Германа | № 5 (64) | МАЙ | 2011 г.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Редакция газеты от всей души поздравляет наших прихожан и читателей со Светлым Праздником Христова Воскресения!

Христос воскрес!

Дорогие наши читатели, поздравляя всех с этим светлым праздником, хочется напомнить о том, что воскресший Христос все еще носит в Своем теле следы страстей. На руках и ногах Его – раны от гвоздей, Его бок прободен копьем, на Его челе раны от тернового венца, и раны эти не исцеляют, пока есть хоть один грешник на земле.

А этот грешник может быть – я, может быть – каждый из нас. Поэтому важно смотреть на победу Христа именно с этой стороны. Каждый должен осознать, что он может оказаться среди тех, кто распинал и распинает Его, если присоединяется к толпе тех, кто грешит против Бога. Поэтому давайте воспринимать праздник Воскресения Христова как призыв Его к нам – опомниться, победить в себе зло и действительно воскреснуть для Вечной жизни. Аминь.

Священник Аркадий Власов.

МАШИНА ВРЕМЕНИ

Если бы во времени можно было путешествовать...

Если бы можно было съездить, слетать, перенестись в любую эпоху с той легкостью, с какой едет в кресле пригородного автобуса на дачу городской житель...
Об этом мечтали многие.
Об этом писали книги.

В действительности, будь это возможно, подобные путешествия произвели бы самый неожиданный эффект. Во-первых, самой лучшей эпохой большинство путешественников признало бы то время, в котором они живут. «Я уехал из Лондона, чтобы увидеть Лондон», – говорил Г. Честертон. Этот мастер парадоксов был прав. Нужно покинуть привычное место и вернуться затем обратно, чтобы по достоинству оценить его. Иначе «свое родство и скучное соседство мы презирать заведомо вольны» (О. Мандельштам). Мы бы истосковались безмерно по привычным пейзажам и знакомой речи за считанные часы. Мы больше, чем тюремного заключения, боялись бы даже мысли остаться навеки там, куда приехали на день, как туристы. Поломка машины времени для большинства была бы поводом к самоубийству или инфаркту. Но и это не все. Сложности бы начались на этапе выбора маршрута. Ни буйства фантазии, ни знаний по истории не хватило бы для оригинального выбора маршрута. Что ты хочешь увидеть? Гибель Помпеи? Осаду Коринфа? Триумф Цезаря после покорения галлов? Что ты хочешь подслушать? Первое авторское чтение «Мертвых душ»? Перебранку Платона с Диогеном? Беседу Гете и Наполеона? Согласитесь, голова пойдет кругом от распахнувшихся перспектив, и изумленная душа скорее откажется от самого путешествия во времени, чем остановит взгляд на чем-нибудь одним. Конфуций, путешествующий по стране от княжества к княжеству; Геринг, раскусывающий в одиночной камере ампулу с ядом; оглохший Бетховен, работающий в кабинете при свечах; Жанна, слушающая небесные голоса... Все это увлекательно по отдельности, но собранное вместе и предложенное как возможное зрелище способно раздавить потенциального туриста.

***

Но все же есть одно место на земле и есть один небольшой временной отрезок, куда можно было бы слетать, перенестись, съездить, если бы это было возможно. Оказавшийся в этом месте и в это время человек сразу ощутил бы тревогу. Эта тревога была разлита в воздухе в тот день, и ее невозможно было не заметить. В городе намного больше народа, чем в обычные дни. Это ради праздника съехались люди, кажется, отовсюду. И все они, местные и приезжие, спорят и кричат, злобно шутят и проносят проклятия, шепчут молитвы и тайком утирают слезы из-за одного Человека. Вот Он, согнувшийся и уставший, выходит из городских ворот, влача за Собою на плече тяжелый крест. Его сопровождают солдаты и большая толпа народа. Он странно одет – в какое-то тряпье, успевшее пропитаться кровью. И на голове у Него – колющий венок из твердого терновника, на который даже смотреть страшно. В воздухе слышен свист бичей. Время от времени бич обрывает свой зловещий свист, опустившись на спину Человека с тяжелым крестом на плече. Можно подойти поближе и рассмотреть черты Его лица. Оно обезображено. И, видимо, именно кровь Его, которой уже пролилось немало, распаляет и солдат, и окружающую их толпу. Люди кричат, а солдаты бьют Человека. И те, и другие вошли во вкус и не успокоятся, пока Он не умрет.

И случайному зрителю этой сцены тоже надо определиться. Сам воздух происходящего требует стать на чью-то сторону, а не просто наблюдать со стороны. Нужно либо повторять гортанные ругательства на непонятном языке и постепенно распаляться невесть откуда взявшейся кровожадностью, либо сделать что-то другое. Но что? Вступить за Него? Молиться Ему? Зарыдать о Нем и отойти в сторону, наблюдая, как неумолимо идет к финалу эта трагедия? Можно помочь Ему нести крест. Он уже падал не раз под его тяжестью, и солдатам придется заставить кого-то помогать, чтобы Осужденный дошел до места казни, а не умер по дороге. «Я много раз слышал об этом, но не думал, чтобы это было так страшно», – пронесется в голове случайного зрителя. Этот случайный зритель захочет быстрее уехать, вернуться в машину времени и исчезнуть отсюда. И потом дома, в привычной обстановке, он будет клясть

Несение креста. Выстропов Андрей

себя за этот каприз, за это путешествие. Он постарается забыть то, что видел, потому что душа его ощутит, что жить по-старому после увиденного невозможно. Он захочет, по крайней мере, отвернуть лицо и бежать куда попало. Но, видно, таково свойство этого зрелища – оно делает свинцовыми ноги всех, кто его увидит, и не позволяет убежать, пока все не окончится. Он так и будет стоять, а процессия с Осужденным будет медленно к нему приближаться. Когда всего несколько шагов будут отделять случайного зрителя от Того Человека, Приговоренный к смерти поднимет лицо и их взгляды встретятся. Кровь, заливающая лицо, не помешает Тому Человеку посмотреть в глаза случайного зрителя пристально и увидеть душу его до самого дна. У них будет очень мало времени для этого диалога глазами. Скоро бич солдат, свистнув, опустится на избитую спину, и Человек продолжит движение. Но за эти несколько секунд произойдет все то, что должно произойти; все, ради чего нужны были бы такие путешествия, будь они возможны.

***

«Тебя избили так безжалостно, Господи», – скажет человеческое сердце, и Господь прочтет эти слова в глубине человеческих глаз. Это будут именно слова сердца, а не ума. Ум умолкнет, знания отлетят, опыт испарится. И только одно лишь сердце способно будет выговаривать то, что скрывалось в нем до этого часа. «Тебе словно отомстили за то, что Ты исцелял, кормил и миловал. Если бы Ты был злым, Тебя бы били меньше. Таковы люди. Но кто согрешил так тяжко, что Ты, невинный и праведный, должен так пострадать? Кто виноват в этом кошмаре? Как зовут его?» Тут бич еще раз хлестнет Человека, и Он, поправив на плече тяжеленный крест, двинется дальше. До места распятия останется уже немного. И только еще одну фразу Он произнесет, проходя мимо замершего на месте зрителя: «Я иду умирать за тебя». Эту фразу Он скажет немцу – по-немецки,

японцу – по-японски и русскому – по-русски. А тысячи других слов, оставшись несказанными, сами зазвучат в голове очевидца. Разве так тяжел грех мой? – Да. Разве нельзя иначе спасти человека, не такой дорогой и ужасной ценой? – Нельзя. Что же мне делать дальше? Я спасен или раздавлен? Скажи мне еще что-нибудь, Господи. Только не уходи молча! И еще одна фраза прозвучит как ответ от Него, хотя Он продолжит путь, не оборачиваясь. «Дождись Моего Воскресения».

***

Человек сидел на застекленной веранде своего дома и смотрел через окно на улицу. Но ничего из того, что происходило там, на улице, не интересовало человека. Закрытая книга «Машина времени» лежала перед ним на подоконнике. А сам он был настолько погружен в себя, что казалось: лежала перед ним не просто закрытая книга, а самое важное в мире письмо, которого он ждал всю жизнь. Голос жены вернул человека к действительности. – Я пойду сегодня вечером на Страстные Евангелия в церковь. Ты пойдешь со мной? Она задала этот вопрос ради приличия, даже не ожидая ответа, но заранее зная его. Ее муж был «воспитанным агностиком», как сам себя называл. Он позволял жене ходить в храм, но сам не переступал его порога. Как же велико было удивление жены, когда муж ее неожиданно ответил: – Я пойду с тобой. – Я пойду с тобой обязательно! – через секунду добавил он, и в голосе его она услышала столько непривычной решимости, что повернулась к нему всем телом и пристально посмотрела ему в лицо. Что-то несомненно новое и хорошее было в этом лице, и женщина на мгновение замешкалась, не зная, радоваться ей или не показывать вида.

Протоиерей Андрей Ткачев

Пасха с Гулливером и в 3D-формате

Кто впервые приезжает в Ветютневский храм, удивляются – сколько среди прихожан детей! Тут уж, как говорится, сам Бог велел уделять детворе особое внимание. И снова для маленьких христиан в храме организовали детский праздник. Праздник Пасхи. Дети и их родители рисовали на тему Светлого Христова Воскресения рисунки, делали поделки и фотоснимки на конкурс. - Это не просто рисунки, это общение детей с Богом, - говорит прихожанка, многодетная мама Наталья Шашалевич. – Это их маленькие шаги в познании Бога. И хорошо, когда родители дают детям какое-то направление, задают деткам вопросы, рассуждают вместе с ними... Ведь Пасха, к сожалению, до сих пор у многих людей ассоциируется только с кладбищем, куличами и крашеными яйцами. А ведь это праздник души! Наши девочки так ждали

Пасху, с такой радостью передавали свои чувства красками! А на детском празднике эта радость слилась с радостью других детей, праздник получился замечательный!

...После церковной службы во второе пасхальное воскресенье в тихом храме зазвучал тоненький, как колокольчик, взволнованный голос Марины Сапожниковой. Девочка прочитала для прихожан приготовленный для праздника стих. Другим звонким колокольчиком запела пасхальную песню Машенька Шашалевич.

Ребята из Гуляевской школы подготовили к празднику сценку. Выйти в центр храма под общие аплодисменты довелось почти всем детям - чествовали юных победителей и призеров.

- Ты про Гулливера читал? – спрашивает младшеклассника Антона батюшка Аркадий.

- Мультик видел.

- Книжка интереснее, - замечает батюшка, вручая приз.

Призов была масса - яркие книги, пазлы, игры... И взрослым достались. Ведь в конкурсе были и семейные работы.

...После награждений детворе ждал сладкий стол. Пока взрослые резали торты, маленькие призеры рассматривали конкурсные работы соперников. Особенно при-

влекала детское внимание фотография в 3D-формате, которую надо было смотреть через специальные очки. С этим снимком в номинации «Фотоконкурс» победила семья Сапожниковых.

...Кстати, удивительный момент детского конкурса, что проходит в храме, – здесь не бывает детских слез обиды по причине не доставшегося первого места, здесь не вспыхивает в детских глазах зависть. Здесь умеют радоваться друг за друга. И искренне вместе веселиться.

Прямо у храма дети со смехом и гоном играли: выбивали мячом крашеные яйца, носили их наперегонки в ложках... И эти дети в отличие от многих нас, взрослых, знают, что Красная горка – это не от сочетания красивая могилка. На Руси в этот день катали яркие яйца с горок, краска с них отшелушивалась, и горки становились красными. Вот так. В этот день не грустят - в этот день веселятся!

Лариса Косьян.

ТРАДИЦИОННЫЙ КУЛИНАРНЫЙ КОНКУРС КО ДНЮ ЖЁН-МИРОНОСИЦ «ПРАВОСЛАВНАЯ ХОЗЯЙКА» ПРОШЁЛ В ПОКРОВСКОМ ПРИХОДЕ Х. ВЕТЮТНЕВ

ПОБЕДИЛА ЛЮБОВЬ!

Вот и наступил долгожданный и радостный день Мироносиц. Долгожданный – потому что женская душа давно желала праздника, своего, личного. Радостный – потому что в этот день любовь, живущая в каждом сердце, настойчиво требует выхода, желает «материализоваться». Обычно женщины реализуют это желание на кухне. Какие шедевры они творят! Как преображает изливающаяся любовь самые простые блюда! И с какой радостью хозяйки дарят эту любовь родным, близким, и дальним тоже, и даже совсем незнакомым.

В этот раз на праздничной трапезе в нашем храме царствовали мясные салаты. Слово «конкурс» меньше всего подходило к этому событию. То, что прихожане увидели на столах, определяется словом «симфония». Один салат дополнял другой, какие-то солировали, ка-

кие образовывали фон, в целом – единое произведение кулинарного искусства. Чинная дегустация блюд для определения победителя не получилась. Напрасно главный презентатор призывал вкушающих: «Вы пробуйте, а не ешьте! Есть будем потом, после подведения итогов!». Напрасно. В конце концов и он сдался, воскликнув: «Дайте и мне тарелку, я не могу просто так на вас смотреть!». Тяжело было определить, какой же салат самый лучший. Но безусловным лидером стал салат-коктейль «Девичьи грезы». Необыкновенный и по исполнению, и по оформлению, он вызвал общую зрительскую симпатию.

Определение победителей в отдельных номинациях проходило накануне. Блюда были представлены анонимно, просто под номерами. Но вот ведь что

удивительно: лучшие салаты сделали те люди, которые, по моему мнению, отличаются своей добротой и любовью, самые приветливые и самые отзывчивые. Так что абсолютно справедливо можно сказать – на нашем конкурсе победила ЛЮБОВЬ!

Зорина Елена. х. Гуляевка.

«Тиффани». победитель мужского конкурса.

«Витаминный хрум». победитель конкурса «Юный кулинар».

«Цезарь». 1 место в конкурсе «Оригинальное блюдо».

«Подарок». 3 место в конкурсе «Оригинальное блюдо».

ДЛЯ ТЕХ, КТО ЕЩЕ НИЧЕГО НЕ ПОНЯЛ

Это было небо на земле

ВОСПОМИНАНИЯ ПРОТ. МАКСИМА КОЗЛОВА И ПРОФ. АЛЕКСЕЯ СВЕТОЗАРСКОГО О ПРАЗДНОВАНИИ ПАСХИ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Сегодня оцепление вокруг храма на Пасху будет означать запрещенный проезд: скоро крестный ход, и машины должны объезжать храм. Лет тридцать назад оцепление ставили против верующих. Те же, кто умел его преодолевать, не могли причаститься на ночной службе. О страхах и ликовании Пасхальной ночи тридцатилетней давности, кексе «Весеннем» и субботниках под Пасху вспоминают профессора Московской духовной академии протоиерей Максим Козлов и Алексей Константинович Светозарский.

Алексей Светозарский: Чтобы войти перед началом Пасхальной службы в храм, нужно было обмануть так называемых дружинников – это были не дружинники, а работники райкома комсомола. Я запомнил в один год, что у них были особые комсомольские значки с золотой веточкой, так называемый «ленинский значок». У простых людей таких не было, это была некая особая отмеченность активиста, уже профессионального комсомольского работника.

Мимо них надо было идти твердым шагом, делая вид, что ты идешь мимо храма, и прямо у ограды резко свернуть в ворота и пройти. Надо сказать, что это удавалось, а на территории они уже не хозяйничали – было, видимо, какое-то распоряжение. В храме однозначно не подходили, а во дворе начинали брехать: «Мы васждемся». Но они не дожидались – у них потом было другое мероприятие. По-своему они тоже праздник отмечали, и с размахом.

Или надо было обмануть их бдительность, проходя, скажем, переулком (московские храмы в переулках, как правило), сделать вид, насвистывая и глядя по сторонам, что ты просто гуляешь. Причем это должно было быть в 10, а иногда и 9 вечера, потому что в 11 – уже все, не попадешь. Если только тебя знает священник, если он подойдет к оцеплению и скажет, чтобы пустили, то они пускали.

Прот. Максим Козлов: Когда не пускали в храм, мотивировали это тем, что кругом ходят какие-то странные зеваки, а дружинники охраняют верующих от зевак и хулиганов. Но на самом деле они старались не допустить в храм молодежь. Поэтому молодому человеку нужно было не показывать, что он как-то робко стремится попасть в церковь, не зная толком, чего он хочет. Нужно было идти очень уверенно, демонстрируя, что он знает, куда он идет.

Алексей Светозарский: Я помню двор Пименского храма, 9 вечера, читают Деяния. Можно послушать, но ты понимаешь, что впереди ночь, целая служба, и выходишь куда-то во дворик. Тепло, конец апреля-май, все в ожидании праздника, и у тебя уже настрой соответствующий. Посидеть негде, потому что те две-три скамейки, что есть, заняты людьми. Стоишь, смотришь на людей. Какого-то контакта нет: это храм, куда приезжало несколько московских спальных районов, и люди совсем мало общались. Конечно, какой-то свой круг был, но я к этому кругу никак тогда не мог принадлежать. Подходят эти ребята, на лацканах пиджаков особые комсомольские значки, повязка «дружинник»:

– Что вы здесь делаете?

– Я пришел в храм на службу.

Во дворе они ничего не могли уже сделать, но поговорить подходили. Дальше:

– Да? Интересно. Ну, и где вы учитесь? – начинают подбираться.

Я говорю: «Это не ваше дело». А внутри-то, понятное дело, думаешь неспокойное – может быть, даже не столько о себе, сколько о родителях и так далее, о том, что можешь их,

мягко говоря, сильно огорчить. Все равно, юношеская горячность же внутри сидит, это не дает пойти на попятную. И они обещают: «Мыждемся конца службы». В общем, пасхальная радость была иногда растворена печалью – но они не дожидались.

Позже, когда я был уже довольно взрослым, я ходил на Пасху в Обыденский храм, и низкий поклон и память вечная батюшкам, отцу Александру Егорову, отцу Петру Дьяченко, ну и вообще, всем священникам, которые нас тогда опекали. Там тогда был замечательный настоятель отец Николай Тихомиров. Это был один из тех священников, с которым я начал общаться и который проявил некое неформальное внимание и заботу.

Прот. Максим Козлов: Я помню, нас всех в алтарь собирали на Пасху, благословляли стихарь. Этого дня ждали, а еще позовут – не позовут – неизвестно, и волновались, как тут будет. Как-то под своим крылом оберегали. Мы стояли заутреню и уже литургию все вместе, я даже помню входной стих, который отец Николай произносил, как сейчас его вижу. Это совершенно неизреченное торжество. Как-то в Обыденском всегда было удивительно, хотя очень много народу. Было два храма, в которые на Пасху попадали по билетам. Это очень едко подмечено в фильме «Блондинка за углом». В Елоховский Богоявленский и в Новодевичий на Пасху попадали по билетам. Билеты распространялись частью по церковной линии, а часть какими-то таинственными путями расходилась – это были какие-то крутые люди, советская интеллигенция, советская торговля и обслуга Кремля: врачи, обслуживавшие кремлевское управление и т.п. Верхи советской торговли – это была скрытая элита. Тогда в публичном сознании было немножко стыдно работать в торговле, но правильные люди знали, где деньги делают.

Алексей Светозарский: В том числе это играло роль некоего товара: эти билеты могли

чащался. Тех, кто ходил на крестном ходе в стихарях, – этих молодых людей особым порядком в алтаре, в минимальном количестве причащали. Но народ – никогда. Поэтому многие расходились раньше. В конце пасхального богослужения храмы были уже не переполнены.

Алексей Светозарский:

У меня был потрясающий случай на Пасху – это тоже с Пименовским храмом связано. Там был очень уютный переулочек (сейчас его уже нет – его составляли красивые угловые домики, такие двухэтажные старомосковские, которых уже нет). Между домами стояло уже оцепление, причем и из дружинников, и из милиции. Мы замешкались, и был уже 11-й час. Удивительно: меня и моих друзей провел майор милиции (!), потому у нашей соседки дочь работала в отделении милиции. Я как-то ухитрился позвонить, вышел майор милиции и нас провел.

Прот. Максим Козлов: Я на первую свою Пасху после Крещения не попал – меня не пустили родители. К тому моменту дома уже выяснилось, что я крестился, и это был грандиозный скандал и перманентный острый конфликт. Службы Страстной я еще как-то отбил (единственный был способ – это исполнение домашних обязанностей по дому, забота о малолетних братьях и учеба такая, чтобы не придраться. А если находился повод, что плохая успеваемость, ну – не плохая, а несколько хуже, чем они от меня ожидали, или что я филоном от братских обязанностей, то не пускали. А тут я говорил: «Что вы от меня хотите, я все делаю, как надо, а это мое, хочу и хожу»). А на Пасху не пустили: «Вот, там милиция, ты попадешься, маму-папу с работы выгонят, ты этого хочешь? Ты знаешь, что там делается?» Не пустили, и все. Я попал в первый раз на Пасху только на следующий год. Очень боялся, что не попаду, поэтому пришел настолько рано, что еще оцепления не было, – часов в восемь вечера, еще куличи освящали. В храме еще никого не было. И вот с 8 аккурат до 11 я и ждал. Сначала три часа выстоял до начала полунощницы, а потом ночную службу.

Первая Пасха – это удивительное торжество. Я вообще в жизни не представлял, что такое может быть. Что это – вот так. Сейчас не так, конечно: столько лет прошло, уже собственное восприятие другое, и место в богослужении другое, но тогда это было, без всякого ложного пафоса, – небо на земле. Это что-то удивительное было.

Я был тогда с сестрой, мы не стояли до конца службы: вполне естественно и вместе с очень большим количеством людей мы уходили где-то к концу канона, после стихир Пасхи. Это тоже было что-то особенное: идешь по ночной Москве, и это была, пожалуй, единственная ночь, когда люди, встречающиеся ночью, были такие же – свои. Можно было сказать: «Христос воскрес!», видя других людей пасхальной ночью и понимая, что они идут из Хамовников или из Филипповского на Арбате, или из Брюсова, а ты идешь из Обыденского. И ты говоришь: «Христос воскрес!», а тебе отвечают: «Воистину воскре-

Крестный ход. 70-е гг.

се!» Что это было в Советском Союзе – это нечто, это почувствовать нужно.

Алексей Светозарский: После службы гуляли, куда деваться, перекусив на какой-то лавке (все очень просто, яички, куличики – что у кого было). Однажды на станции, которая тогда называлась «Проспект Маркса», компашкой идем, спускаемся в метро, и нас встретили девчонки, которые на курс младше учились и которые были в совсем другой роли. Они были посланы в Новодевичий монастырь в оцепление, потому что, видимо, ответственных работников не хватало. Мы все их прекрасно знали. Повисла пауза, и одна из них наконец сказала: «Христос воскрес!». И мы ей ответили. Все-таки знали люди, что говорить друг другу, как отвечать, раз в такой день встретились.

С кладбищенской традицией Пасха у нас никогда не была связана. Этого не было дома. На кладбище ездили, естественно, навещали могилы близких, но это не было на Пасху. Тоже, видимо, в подсознании сохранялось, что Пасха – это радость, праздник живых и мертвых, которых мы поминаем и ощущаем как живых. А в общественном сознании это было явление, связанное с кладбищем.

Прот. Максим Козлов: Еще приметны были фильмы, которыми отманивали молодежь. В ночь на Пасху во всех кинотеатрах во время, когда обычно не было сеансов, в 11 ночи показывали какой-нибудь крутой западный фильм: боевик, что-нибудь с элементами эротики, комедию французскую. В другие же дни последний сеанс был в девять вечера. А по телевизору в ночь на Пасху пели звезды зарубежной эстрады: АВВА, Бони-М и прочее, даже еще что-то более крутое. Это был самый крутой концерт, который шел по советскому телевидению.

Формально вроде как боролись, но боролись «как-то». Субботник могли закатыть. Было обычное дело: в Великую Субботу – субботник. Среди мелких пакостей, которые устраивала советская власть в наши годы, было непереносимое желание ленинский субботник (день рождения Ильича 22 апреля) при какой-то возможности, хотя бы относительной близости к этой дате Великой Субботы, – устроить в Великую Субботу. Уже в университете я помню, как старался записаться на овощебазу, чтобы в другой день отработать, заранее или потом, а в Великую Субботу попасть в церковь.

Куличи приходили святить кто ни попадя. Тьма народа, непрекращаемый поток людей. Когда у меня появились церковные друзья, мне дарили, а потом уже, во второй половине 80-х, у нас свои уже были куличи, или кто-то из семейных друзей давал, и я ходил освящать подаренные куличи, яйца. Это было тоже особым шествием. У меня не было корзинки, но я нес какой-то пакет с куличом. А в церковных семьях пекли куличи, хранились рецепты, переписанные от руки. Для церковного человека было важно, что у тебя не кекс «Весенний» из булочной, который все покупают, а настоящий, руками испеченный кулич. Это я, помню, очень ценил тогда.

Источник: Татьяна Ден

Смотрящие за молящимися. 70-е гг.

менять на что-то. Где-то мне недавно попался такой – когда будет музей Русской Церкви XX века, надо туда обязательно отдать.

Прот. Максим Козлов: Дружинники, конечно, не дожидались, пока литургия кончится. К этому моменту окрестность была пуста. Уже даже к часу ночи можно было попасть в храм. После крестного хода уходила совсем внешняя часть людей, а за время заутрени и к ее концу уходили многие. Это было отчасти связано с тем, что добраться до дома было непросто. А во-вторых, не все понимали, когда служба кончается.

Тогда на Пасху не причащали почти нигде. Причащались люди до того – в Великий Четверг, в Субботу. В четверг была тьма причастников. На Пасху только духовенство причащалось. Я, кстати, не причащался на Пасху: я знал, что это не принято, и не при-

То, что я собираюсь сделать, относится к разряду не самых благодарных занятий. Перелагать поэзию в прозу и рассуждать о том, "что хотел сказать художник этим образом" - дело слишком школьное. Но именно особенности нашего школьного воспитания и понуждают меня взяться за толкование сказок К. С. Льюиса из цикла "Хроники Нарнии", вышедших уже несколькими изданиями.

Клайв Стейплз Льюис

Сам Клайв Стейплз Льюис(как и его соотечественники и современники Честертон и Толкиен) писал для людей, которые имели возможность изучать "Закон Божий" в школе.

С одной стороны, это знакомство с сюжетами священной истории позволяло им узнавать с полуслова аллюзии и намеки. С другой, школьное знакомство с Библией слишком часто потворствовало укреплению худшего вида неверия - то есть той сухой и рассудочной полуверы, которая тем надежнее заслоняет совесть от укоров Евангелия, чем тверже вызубрила библейские тексты.

Понятно, что слишком навязчиво в таком случае проповедовать нельзя и надо искать возможность свидетельствовать об Истине, никоим образом не вызывая в памяти интонации школьной законоучительницы. И вот, чтобы английскую консервативность обратить не к консерватизму греха, а консерватизму евангельских ценностей, Честертон пишет детективы об отце Брауне, а Толкиен - истории о хоббитах. Льюис пишет с той же целью сказки о такой стране Оз, в которой на каждом шагу читатель нежданно встречает то, чего никак встретить не ожидал - намеки не на вчерашнюю парламентскую сплетню, а на те сенсационные события, которые, казалось бы, безнадежно устарели и давно стали никому не интересны (по той причине, что произошли они не в Лондоне, а в Палестине, и даже не позавчера, а немало веков тому назад). В этих книгах, написанных англичанином и протестантом, более всех имеем нужду мы, русские и православные. Дело не только в том, что у нас практически исчезла христианская литература для детей. Важнее, что эти сказки заполняют пустую нишу в храме православной культуры. Наша традиция проповеди и духовного образования всегда была дидактична, поучительна. Но человеку иногда становится тягостно от обилия строгих и умно-самоуверенных поучений. Ему бывает очень нужно, чтобы с ним просто посидели рядом и о чем-то помолчали. Или пошутили, или поговорили, как с равным. Книги Льюиса действенны тем, что они не сразу выдают свою тайну: они проповедуют, не наставляя. Читатель сначала влюбляется в автора, в мир его мыслей и героев, а лишь затем начинает догадываться, откуда же берет начало тот свет, который наполняет собою весь объем Lewisland'a. Они написаны с любовью о Книге Любви - о Евангелии. Льюису удалось то, о чем мечтает любой духовный писатель: он не просто передает свои мысли по поводу встречи человека с Богом, он пробуждает в сердце человека отклик той Радости, которая же некогда посетила его или уже стучится к нему. То христианское "повивальное искусство", которое исторгает из души человека молитву. И это - высшая удача богословской книги, если в ходе ее чтения безликое "Он" богословия заменяется на живое "Ты" молитвы. Эта книга написана в обществе, где принято быть христианином. И написана она затем, чтобы человек влюбился в то, во что он раньше только верил. Российскому читателю в этом отношении читать "Хроники" проще: для его восприятия "добрые вести из Иерусалима" еще вполне свежи. С другой стороны сложнее: не только дети, но даже их родители вряд ли настолько знакомы с Евангелием, чтобы с ходу улавливать прозрачные намеки Льюиса и Аслана. Несложно сегодня и у нас пояснить неверующему человеку, каковы основания для религиозной убежденности в Бытии Бога и Христа. Но чрезвычайно трудно "принудить к

пониманию" связи между далеким над-космическим Богом и маленьким частным человеческим бытием. "Да пусть есть, но мне-то что с того?!" - вот вопрос, о который разбиваются самые блестящие проповеди и самые логичные и глубокие теологические лекции. Ответ Льюиса на этот вопрос осязателен: жить с Богом радостно и трудно. Жить без Него - в конце концов тоже трудно, но еще и серо, так как сер и безнадежно устойчив в своей замкнутости ад в сказке "Расторжение брака". Жить по велениям Аслана трудно, потому что Он - "не ручной Лев". Его нельзя использовать в качестве гаранта или сторожа своего домашнего благополучия. Его дружбу и помощь нельзя подкупить. На Его помощь нельзя иметь ложных надежд, которые упраздняли бы активное действие самого человека. Он приходит, когда пожелает; - и все же желает, чтобы Его звали. Еще трудна встреча с Богом, потому что из нее нельзя выйти неизменившимся. Аслан может ласково дыхнуть, а может поранить. Все мы ходим в шкурах Дракона - и пока мы не совлечем ее с себя (у апостола Павла это называется "совлечься ветхого человека"), нам не понять тот Замысел, который есть о нас у Творца. А ведь помимо "естественного" нашего окружения есть еще и культурные панцири, которые похищают у нас Небо. Как, например, смотреть в глаза Аслану и думать о "правах человека"? Правах - перед Ним?.. Это уже было когда-то в человеческой истории - во дни Иова. О том, что понял тогда древний страдалец и Богоискатель, напоминает нам и Льюис. А древние великие пророки напоминают, что у Бога нет обязательств. У Него все - дар. И об этом напоминает Аслан, отправляя детей в страну колдуньи. "Хроники Нарнии" состоят из семи сказок. Случайно или намеренно появилось у Льюиса это вполне библейское число - не знаю. Но как в Библии семь дней - это семь эпох мировой истории, так и у Льюиса вся история Нарнии - от ее создания до гибели - дана в семи эпизодах. Впрочем, прямых заимствований из Библии в сказках Льюиса нет. Разве что - в привычке называть детей "сынами Адама" и "дочерьми Евы". Создателя зовут Аслан, а не Ягве или Христос. В первой хронике ("Племяник чародея") Аслан, являющийся детям в облике золотого сияющего льва, творит мир. Он творит песней. Льюис так представляет себе создание вселенной: "Далеко во тьме кто-то запел. Слов не было. Не было и мелодии. Был просто звук, невыразимо прекрасный. И тут случилось два чуда сразу. Во-первых, голосу стало вторить несметное множество голосов - уже не густых, а звонких, серебряных, высоких. Во-вторых, темноту испещрили бесчисленные звезды... Лев ходил взад и вперед по новому миру и пел новую песню. Она была мягче и торжественней той, которой он создал звезды и солнце, она струилась, и из-под лап его словно струились зеленые потоки. Это росла трава. За несколько минут она покрыла подножье далеких гор, и только что созданный мир стал приветливей. Теперь в траве шелестел ветер. Вскоре на холмах появились пятна вереска, в долине - какие-то зеленые точки, поляры и потемней. Когда точки эти, - нет, уже палочки, возникли у ног Дигори, он разглядел на них короткие шипы, которые росли очень быстро. Сами палочки тоже тянулись вверх и через минуту-другую Дигори узнал их - это были деревья". В IV веке святой Василий Великий очень похоже писал о возникновении мира: "Представь себе, что по малому речению холодная и бесплодная земля вдруг приближается ко времени рождения, и как бы сбросив с себя печальную и грустную одежду, облекается в светлую ризу, веселится своим убранством и производит на свет тысячи растений". Оба текста полагают, что читатель помнит исходный библейский стих: "И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя и дерево плодovitое. И произвела земля..." (Быт.1,11). Здесь нет ни опаринского мертвого и бес-

смысленного "бульона", который в некоей случайной катастрофе выплевывает из себя жизнь; нет и недвижной, творчески бездарной материи Платона, могущей лишь страдать в руках Демиурга, но бессильной самой что-либо предпринимать. Здесь радостный диалог: на "Fiat!" ("Да будет!") Творца весь мир откликается творческим усилием. Современный космолог в этой связи не прочь поговорить о "направленной эволюции" и "антропном факторе"... Церковь говорит - о поэзии. Именно так называется Бог в "Символе веры": "Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли"... "Творец" в греческом оригинале - "Позтос"... И в молитве на Великом Водосвятии о возникновении мира говорится - "Ты, Господи, от четырех стихий всю тварь сочиниwy". Да и в самом деле - что еще можно сделать со "стихиями", именование которых все же происходит от греческого глагола "стихэо" (идти рядами, сопрягать ряды; "чины" - по-славянски), как не сочинять. В отличие от русского понимания "стихийности" для греческого уха в "стихии" слышалась гармония, стройность и созвучность того "космоса", отголосок которого дошел да нашей "косметики". Библия не говорит - откуда в нашем мире появилось зло. Восстание и падение гордого ангела Денницы не описаны. Человек приходит в мир, который еще добр, но в который уже прокралось зло. Само зло не живет - оно паразитирует на жизни и добре. Так и Колдунья отнюдь не создается песней Аслана, а в Нарнии она попадает некоторым паразитическим способом - ухватившись за детей. В Библии лишь подговорив людей, зло получает власть во вселенной; в Нарнии Колдунья тоже делает людей своими соучастниками... И Эдемский сад, и древо познания также узнаваемы у Льюиса. То, что "Хроники Нарнии" не объясняют происхождение зла, не означает, что они с ними смиряются. Христианская мысль именно потому и не объясняет исток зла, чтобы было легче бороться со злом. Ведь в силу нашей неискоренимой философской привычки нам кажется, что "объяснить" значит "понять", а "понять" значит "принять". Если я нашел причину какого-то события - значит я тем самым пришел к выводу, что оно и не могло не произойти. Нет, не в "причинах и следствиях", не в законах "кармы" или в "диалектике всеединства" коренится зло. Оно - в тайне свободы. Не в потаенно-мистических и огромных "законах мироздания", а в нашей, вроде бы такой маленькой, свободе. Именно человек когда-то впустил холод во вселенную, согретую дыханием Творца. И нам, привыкшим к холоду, дыхание той же Любви кажется теперь слишком обжигающим, слишком болезненным. Мы в своей свободе взрастили смерть. Именно смертью силы магии хотели отделить нас от Бога. Но Творец жизни Сам вошел в пространство смерти. И Теперь сквозь смерть мы можем видеть лик Победителя смерти. Итак, в следующей сказке речь идет уже об Искуплении: Аслан отдает себя на смерть "по законам древней магии". Но по законам "еще более древней" магии - воскресает и уничтожает проклятие. Бог всегда требует, чтобы люди изменялись. И однажды, чтобы им это было легче делать, Он Сам принес Себя в жертву Своей любви к людям - не только для того, чтобы дать им пример, но и для того, чтобы поистине искупить их и выволить из-под власти "древних заклятий" и соединить с Собою, чтобы дать им участие в Своей собственной Жизни, в Своей собственной Любви. Но для этого тем более человек должен стать таким, каким еще не был. Евангельская основа "Хроник Нарнии" очевидна. В них можно встретить и прямую полемику с атеизмом, чьи аргументы очень похоже излагает Колдунья одурманенным детям в Подземье ("Серебряное кресло"). А можно найти весьма прозрачную притчу о покаянии (Аслан, сдирающий драконьи шкуры с Юстеса в "Повелителе зари").

Но потому так важно указать и на ветхозаветные истоки тех черт, которые Льюис придает Аслану. В современном протестантизме (и, шире, в современном западном стиле духовности) "друг Иисус" вытеснил собою грозного

Ягве. Но евангельская любовь не отменяет любви ветхозаветной. Бог пророков любит людей - и потому требователен к ним: требователен, ибо неравнодушен (об этом Льюис писал в книге "Страдание"). Нравственное зрение человека в чем-то подобно глазу лягушки. Как та видит лишь то, что движется, и не замечает неподвижных предметов, так и человек, пока покоится на месте, не различает того вектора, по которому должна устремиться его жизнь. Но, сделав духовное усилие, отказав себе в чем-то ради ближнего, сотворив однажды добро, перестрадав, он становится зорче. Надеюсь, позволительно пояснить эту мысль не на льюисовском материале - ведь многие родители и учителя, которые будут читать эту книгу детям, сами будут знать о христианстве немногим более своих детишек. Так вот один из замечательных христианских проповедников - Владимир Марцинковский, живший поколением раньше Льюиса, в своей работе "Смысл жизни" рассказывает случай с одним богатым молодым парижанином, который, пресытившись жизнью, пришел к набережной Сены... И уже перед последним шагом он вдруг вспомнил, что в кармане у него кошелек с деньгами, которые больше ему не понадобятся. И у него возникла мысль — отдать эти деньги какому-нибудь бедняку. Он идет по улице и находит людей, живущих в большой нужде. Юноша отдает им все свои деньги. И вдруг радость большая, чем у этих бедняков, врывается в его сердце. Тайна жизни, которую он пытался вычитать или подслушать, сама засветилась в его душе. Так и "плохому мальчику" Юстесу кажется, что он случайно, бессмысленно, чуть ли не назло заброшен в мир Нарнии. И лишь через скорбь, покаяние и первые попытки заботы о других приходит к нему понимание того, что не он обречен на жизнь, а жизнь дарована ему. Понимание того, что, по законам Нарнии в одиночку можно лишь умереть, но выжить можно лишь сообща. В повести "Конь и его мальчик" есть замечательное разъяснение того, как познаются тайны Промысла. Девочка (в счастливом эпилоге) хочет узнать, что за судьба у ее знакомой. "Я рассказываю каждому только его историю", - слышит она от Аслана ответ, охлаждающий любопытство. Так ставится предел одному весьма распространенному у религиозных людей искушению. Дело в том, что духовная зрелость человека определяется тем, в какой мере он готов оправдать выпавшие на его долю страдания. Но со своим пониманием ("достойное по делам моим приемлю") надо крайне осторожно входить в чужую жизнь. Если я скажу: "Моя болезнь выросла из моих грехов" - это будет вполне трезво. Но если я решу зайти к заболевшей соседке, чтобы разъяснить ей, что вчера она сломала ногу, потому что позавчера не пошла в храм - тут самое время вспомнить предупреждение Аслана. Вдобавок, он весьма напоминает происшедшее с преподобным Антонием Великим: тот однажды спросил: "Господи! почему одни живут немного, а другие до глубокой старости? Почему одни бедны, а другие богаты?". Ответ, который получил Антоний, был прост: "Антоний! себе внимай!" А ответ, который раз и навсегда получили мы все, был дан на Голгофе: Творец не стал объяснять зло или оправдывать его неизбежность, Он просто пошел на крест... От Иова до наших дней человек хранит понимание того, что ответ на этот вопрос не может (и не должен) быть выражен в словах, потому что этот ответ слышат не ушами, а сердцем. "Ты тот, Кто кротко рушит над нами То, что мы строим, Чтобы мы увидели небо - Поэтому я не жалуюсь". (Эйхендорф). В мире христианской мысли страдание и радость, жизнь и смерть оказались не абсолютно противопоставлены друг другу. Прошу извинить за эпатирующую формулировку, но в своей глубине христианство действительно настаивает на неизбежности самоубийства: человек не должен жить для самого себя, он призван дарить себя. "Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою погу-

и «Хроники Нарнии»

бит ее; а ненавидящий душу свою, в мире сем сохранит ее в жизнь вечную" (Ин. 12,24-25).

Александр Солженицын как-то сказал, что в ГУЛАГе есть один-единственный способ выжить, а именно оставить всякую надежду на сохранение себя. Лишь так, похоронив себя, человек может выйти из лагеря человеком. Другой пример из светской литературы - строки Пастернака:

Жизнь ведь тоже только миг,
Только растворенье нас самих
Во всех других
Как бы им даренье...

Как будто вышел человек,
И вынес, и раскрыл ковчег,
И все до нитки роздал...

Любовь, которая, по слову Апостола, "не ищет своего", также выносит центр устремлений, забот и надежд человека во вне его. Христианская любовь - дарующая, а не потребляющая: в ее глубине всегда просвечивает крест.

В мире духовном об этом же говорит "перевернутая перспектива" иконописи. Человек должен отказаться от эгоцентризма, от привычки все мерить по себе, свой жизненный центр он должен полагать вне себя. И тогда он не будет считать частью своей жизни некую ценность, а станет о себе помышлять как о принадлежащем и служащем Высшей Целности. И тогда он будет бояться не за себя, а за свою верность Истине. И, как сказано в Писании, "где сокровище ваше, там и сердце ваше... Не собирайте себе сокровищ на земле... В Бога богатеите".

Человеку дан дар жизни - и сохранить его он сможет, лишь если поступит с ним так, как девочка с плодом древа жизни из первой льюисовской сказки: не присвоив себе, отдав другому.

Подлинно выжить можно лишь через жертву. Лишь то, что мы отдаем, навсегда остается нашим... Цветаева назвала это "законом зерна":

Солдаты! До неба один шаг:
Законом зерна - в землю!

Если человек действует в соответствии с этим Законом Божиим, над ним сбудутся слова Христа, и он "не увидит смерти вовек". Слово "успение" во всех христианских языках - это антоним смерти. Кончина - лишь дверь (ну да, та самая дверь из последней Хроники). Но выйдя через нее, можно оказаться "одесную" или "ошуюю".

И здесь мне приходится второй раз извиняться за рискованное сравнение. Христианство живет высокой спекуляцией. Затраты и прибыль здесь явно разнопорядковы. Малая "лепта" может обернуться приобретением такого сокровища, которого не стоит весь мир...

Смерти нет - это всем известно.

Повторять это стало пресно.

А что есть - пусть расскажут мне...

А есть - Пасха. И немного есть в мире даже христианской культуры книг, которые до такой степени были бы пронизаны Пасхальным светом, как книги Льюиса. Смысл их - в утверждении того, что заслуживает жизни и будет жить потому, что чему нельзя умереть - не умрет. И если жизнь совершеннее смерти, то смерть должна быть побеждена. Призвание человека - "найти свою вечность", и потому, "понять человека - значит понять его отношение к Богу" (Б.П.Вышеславцев).

Как нужна эта пасхальность детям! Для них очевидно то, что перестают потом понимать взрослые: человек может уйти, но он не может исчезнуть.

И совсем просто детям понять, что итог человеческой жизни подводится не физиологически (лопнувшим сосудиком в мозгу или остановкой сердечной мышцы), а нравственно. Жизнь не кончается, она - исполняется. И человеку, в отличие от животных, как духовному, нравственному и ответственному существу, надлежит дать и нравственный ответ о том, исполнением чего была его жизнь, исполнил ли он во временной жизни Закон, без которого нельзя жить в Вечности.

Человек создан для Вечности. Войти в нее без приглашения и помощи человек не может. Творец не просто раскрывает нам Дверь: Он Сам становится одним из нас и платит максимальную цену, чтобы дать нам свободу быть сынами Божиими, а не сыновьями греха и данниками смерти. Он принес нам дар. Дар

надо еще уметь принять. Объективно совершенное "нас ради человек и нашего ради спасения" надо еще сделать своей внутренней, субъективной реальностью в акте выбора веры, Причастия. И Бог, пришедший в мир к людям, призывает нас не к бегству из мира, а к исполнению своего человеческого долга в мире людей. Христос не разрешает апостолам оставаться на Фаворе. Аслан помогает, чтобы люди смогли продолжить их дальнейшую борьбу. Сердце, которое любит Бога, но не любит и не милует мира и людей, созданных Богом, не понял широты заповеди Божией. То, что принято и затем отдано людям и Богу, не исчезает, не отнимается. В мире, откуда мы пришли и куда уйдем, каждая капля здешнего добра отзывается несоизмеримо большей чашей радости. Но и каждое горе, причиненное нами, уготовляет нам грядущую горечь. Таков Закон. И этот Закон не противопоставляется милости. Он подобрал ее в себя и о ней говорит: "суд без милости не оказавшим милости".

Об этом Законе удивительные книги Льюиса. Именно о нем, и только о нем. И потому про-

сто умоляю читателей: не портите эту книгу! Не втискивайте ее в мир школьных правил, где, по словам Н. Трубникова, "с помощью хорошо подогнанных частных истин так легко складывается общая ложь". Не делайте вид, что это только сказка. Не скрывайте от себя и от детей Евангельской основы и атмосферы этих сказок. И уже совсем печально было бы, если б детям стали пояснять эту связь в таком духе, что, мол одна, более древняя сказка легла в основу другой. И Льюис придумывал свои сказки, так же когда-то это делал Матфей, а до него - Моисей... И Лев - это всего лишь увеличенная воображением кошка, а Солнце - спроецированная на небосвод лампочка. И нет мира, кроме Подземья. И нет Пасхи. И не было Рождества.

Но об этой печальной возможности не хочется думать.

"Хроники Нарнии", конечно, не катехизис. Они были написаны для людей, изучавших (или изучающих) катехизис в школе. Поэтому отнюдь не все принципы христианства нашли свое иносказание в этих сказках.

В общем, в Нарнии много евангельского. В ней нет явного присутствия только двух евангельских тайн: Троицы и Евхаристии. На мой взгляд, в этом сказался замечательный такт Льюиса. Тайну Троицы внятно объяснить более чем непросто. И, слава Богу, в Нарнии нет трехглавого льва. Есть только два намека: однажды Аслан называется "Сыном заморского императора". А другой раз ("Конь и его мальчик") Аслан считает необходимым подтвердить свою единственность тому миру, который он пришел спасать: как и воскресий Христос в Евангелии, Аслан уверяет говорящих животных Нарнии, что он не призрак: "Потрогай меня, понюхай, я, как и ты - животное".

Отсутствие чуда Евхаристии - главного чуда Евангелия - тоже понятно. В мире Нарнии, где и так слишком много чудес, церковные таинства (и важнейшее среди них - чудо Причастия Богу) выглядели бы слишком обыденно, неизбежно редуцировавшись до ритуальной магии.

Читая "Хроники", полезно вспомнить о Евангелии. Но, читая Евангелие, было бы непозволительно вместо Христа вспоминать Аслана.

Поскольку для детей это будет скорее всего первая книга о духовной жизни, надо им время от времени напоминать, что в человеческом, а не символически-сказочном мире, молитву надо обращать к Тому, Кто позволил Себя называть Иисусом, а не Асланом.

Избежать этой именовательной путаницы тем более важно, что в современном мире настойчиво рекламируется религиозный релятивизм и синкретизм. Чудище по имени Ташлан отнюдь не придумано. Мы ведь уже не возмущаемся даже не смеемся, когда какой-нибудь очередной телеколдун обещает нам создать "синтез" христианства и язычества. Последняя история с Ташланом напоминает нам, что, по слову апостольской проповеди, "нет другого имени под небом, данного человеку, которым надлежало бы нам спастись", кроме "имени Иисуса Христа" (Деян. 4, 12). Льюис решил завести разговор о том, о чем меньше всего принято говорить сегодня в "христианском обществе" и в "христианской культуре" - о последнем. О конце света. Об Антихристе.

На самом пороге XX века Владимир Соло-

вьев напомнил о том, что земная история не сможет обойтись без этого персонажа, и, что годами и столетиями труд многих "субъектов исторического процесса" приближает момент, когда в истории христианского человечества произойдет решающая подмена - и произойдет она уже почти незаметно... Как завершится XX век - мы вскоре увидим, но как раз в середине его появляется "Последняя битва" Льюиса. Если об остальных сказках Льюиса я бы сказал, что надо прежде прочитать Евангелие (хотя бы в пересказе для детей), чтобы вполне понять их, то о "Последней битве" я скажу иначе: эту повесть следовало бы прочитать прежде, чем брать в руки "Апокалипсис". Вообще для христианского сознания как-то почти очевидно, что мы живем в мире, которому ближе всего именно седьмая, последняя книга "Хроник". Сама Библия кончается Апокалипсисом, а Апокалипсис на грани человеческой истории прозревает не Царство Христа здесь: на земле, в жизни, в политике, в культуре, в отношениях между людьми, - а царство Антихриста. Христос, говоря о признаках Своего Второго пришествия, о признаках конца истории и конца света, находит для апостолов только одно утешение: да, будет тяжело, но утештесь тем, что это — конец. Это ненадолго. Христианство, наверно, единственная в мире система взглядов, которая изначально предупреждает о своем не-триумфе. Земная история кончается не установлением Царства Христова, но утверждением властительства Антихриста. В рамках земной истории путь человечества кончается не в Царстве Христовом, а в царстве Антихриста. Это "царство" зреет в структурах человеческой истории годами, может быть, столетиями, в которые складывается такой образ жизни и мысли, что лишает человека его главной и насущнейшей свободы - свободы выбора: с Христом он или нет. Ибо само понятие "жизнь со Христом" становится в конечном счете безрелигиозным символом и начинает пониматься как сугубо этический или даже политический регулятор. Быть христианином значит тогда быть просто "добрым человеком". В этом случае, однако, как поясняет Льюис в книге "Просто христианство", слово "христианин" просто теряет свой смысл, становясь ненужным дублем. И тогда религиозная жизнь человека запутывается не в меньшей степени, чем религиозные чувства несчастных животных при виде "Ташлана". В Нарнии и произошла "последняя путаница". И началась она не с таинственных и зловещих заговоров, а со "слишком человеческих" проступков обезьянки, которой любой ценой хотелось того, чего так часто и так привычно желаем и мы... Льюис любит повторять, что самая верная дорога в ад лежит не через вопиющие преступления, а через постепенное самоумерщвление человеческой души, через привыкание к духовному окаменению. Конечно, Льюис имел в виду не только Откровение святого Иоанна, но и вполне конкретные реалии культурных движений послевоенной Европы. Для меня же, узнаваемое всего и страшнее всего - жуткий призрак "Ташлана", подделка, укравшая у Аслана имя и втиснувшая его в кличку восточной богини Таш. О приходе этого призрака предупреждал еще в прошлом веке Хомяков: "Мир утратил веру и хочет иметь религию какую-нибудь; он требует религии вообще". Именно эта форма "какой-нибудь" религиозности все навязчивее заявляет о себе в нынешней России: ежедневно в эфире проповедают люди, которые убеждены, будто им удалось скрестить "духовность православия" с "духовной мудростью Востока". Неколебимая уверенность советских "образованцев" в том, что всякая "духовность" - благо, внесет свою лепту в торжество дела "Ташлана"...

Да, седьмая книга Хроник, ближе всего к нашей жизни, но и труднее всего для восприятия современным человеком. И тем важнее в этой апокалиптической книге радость благовестия. Ведь сказано Христом о признаках конца: "Когда начнет сбываться все это, восклонитесь, ибо близко избавление ваше".

"Вос-клонитесь", то есть вы, сейчас пригнетенные к земле, уставшие от привычной бо-гооставленности, вос-клонитесь, воспряньте, подымитесь.

Сейчас христиане взяли в привычку молиться об отсрочке конца. Но Апокалипсис и вся Библия завершаются кличем: "Ей, гряди Господи Иисусе!" И в приходе Бога главное - что Он пришел, а не то, что все-таки разрушилось с Его приходом.

Как сказал человек, чей творческий дар очень созвучен Льюисовскому - "Христианский мир претерпел немало переворотов, и каждый из них приводил к тому, что христианство умирало. Оно умирало много раз и много раз воскресало - наш Господь знает, как выйти из могилы... Время от времени смертная тень касалась бессмертной Церкви, и всякий раз Церковь погибла бы, если бы могла погибнуть. Все, что могло в ней погибнуть, погибло... И еще мы знаем, что случилось чудо - молодые поверили в Бога, хотя его забыли старые. Когда Ибсен говорил, что новое поколение стучится в двери, он и думать не мог, что оно стучится в церковные врата. Да, много раз - при Арии, при альбигойцах, при гуманистах, при Вольтере, при Дарвине - вера, несомненно, катилась ко всем чертям. И всякий раз погибали черти".

Как жаль, что мне не читали этих книг в детстве. И как хорошо, что эти сказки все же есть на свете и теперь входят в круг всероссийского чтения. В заключение и хотел бы я обратиться к родителям: когда вы откроете Льюиса и будете читать его вместе с детишками - пожалуйте, не говорите им, что это, дескать, сказочный пересказ неких более древних сказок. Не скрывайте от них Евангелия - если вы мечтаете о том, чтобы вам никогда не пришлось бояться своих детей. Будем надеяться, что в России еще вырастут дети, которые умеют колядовать и молиться. Дети, которые знают, что Герда вошла в охраняемый замок Снежной Королевы, лишь прочитав "Отче наш". Дети, которые считают храм самой светлой и красивой частью своего дома. Дети, которые знают, что внутри человека живет странное существо по имени "душа" - то, что болит в человеке, когда все тело его здорово, что может радоваться, когда все внешние обстоятельства побуждают человека к гореванию. Дети, которым мы не будем бояться вверять свою старость.

Диакон Андрей Кураев,
«Школьное богословие»

«Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века». (Мф. 28, 19-20)

Огласительная школа

Оглашение, огласительные беседы, огласительная школа...

– Что это? – спрашивают нас все, кто приходит узнать о Святом Крещении.

– Этого раньше не было, что-то новое.

Мы забываем о том, что все новое – это хорошо забытое старое. Для тех, кто желает приобщиться церковной жизни, находясь еще на ступеньках веры, мы предлагаем материалы, которые расскажут об истории и смысле православного богослужения и Таинств, огласительной практики в Древней Христианской Церкви, а также поведают переживания или опыт встречи новокрещенных с новой для них жизнью – христианской.

Иеромонах Лазарь (Куликов)

Из протестантов – в православные священники

Отец Игорь Зырянов с матушкой

В марте 2011 года бывший протестантский пастор, перешедший в православие вместе со своей общиной, был рукоположен во священники.

Почему отец Игорь ушел из протестантизма, как он пришел к Богу и как вести диалог с протестантами?

Об этом – рассказ в интервью portalu «Православие и мир».

- Отец Игорь, расскажите о своем пути к православию. Что стало определяющим в Вашем решении?

- Мой путь к Православию начался, как мне думается, с вопроса, что вообще такое Церковь. В 1997 году мы с семьей приехали в Усть-Ордынский Бурятский округ как протестантские миссионеры для проповеди Евангелия среди бурят. В 2001 году основали миссию с целью проповеди Евангелия коренным народам Сибири.

Поэтому наша работа была межденоминационной, то есть мы работали с баптистами, пятидесятниками, лютеранами. Я много путешествовал и начал задаваться вопросом: где же – Церковь?

Все эти деноминации заявляют о себе как о «настоящей церкви». У меня возникли вопросы: какие вообще существуют критерии определения церкви? Что можно и что нельзя называть Церковью? Если люди собрались (5 или 500) и изучают Библию и молятся Богу – это Церковь? Так называемая «Теория ветвей» меня не удовлетворяла. Мнение, что любой верующий во Христа является частью Церкви, вызывало у меня сомнения, потому что я знал, что буквально 50 лет назад эту теорию никто не знал. Когда же я прочитал и исследовал православный взгляд на Церковь, то все вопросы у меня исчезли. Апостольская преемственность Православной Церкви – это тот довод, который был определяющим в моем решении перейти в Православие. Преемственность показывает, где есть Корабль спасения, а где нет.

В тот момент у меня еще были вопросы к практике и богословию Православной Церкви, но я понял, что, посвятив почти 20 лет проповеди о Христе, я сам оказался не на Корабле спасения... Не важно при этом, какие проблемы сейчас есть в Православии, – самое главное – это Церковь. Я осознал, чего был лишен: Причастия Святых Христовых Тела и Крови, других таинств Церкви.

- Вы рассказывали, что Ваша бабушка колдовала, Вы потом увлекались экстрасенсорикой. Расскажите об этом опыте. Насколько он опасен? Приведите какие-нибудь примеры. Что Вас оттолкнуло от оккультизма?

- Так как моя бабушка, по-видимому, общалась с нечистыми духами, то она передала это и мне как внуку (распространенная практика у экстрасенсов, связь бабушка-внук). В последних классах школы я активно практиковал различные методы экстрасенсорики. После я выучился на курсах экстрасенсов и получил диплом, который мне дал возможность начать практику. В нашем городе у меня был свой кабинет, где я принимал людей. Все закончилось после того, как я встретился с протестантским пастором, и он объяснил мне: чтобы быть христианином, нужно принять Иисуса Христа как своего Господина и отречься от всего оккультного. Он показал мне в Библии несколько цитат, которые ясно мне показали, что оккультизм не может быть от Бога. Что любая экстрасенсорика – это проявление бесовских сил. Вслед за тем пастором я произнес молитву принятия Христа и отречения от сатаны.

После этого все мои экстрасенсорные способности исчезли, я даже потом, признаться, пробовал что-то делать, но никакого эффекта не было.

Совершенно ясно, что любой оккультизм – это шаг в сторону сатаны. Те исцеления и чудеса, которые делают экстрасенсы, являются, по сути, заменой болезни на проклятие.

Уже будучи протестантским проповедником, я изучал опыт и практику лечения своих знакомых и незнакомых экстрасенсов. Было очень ясно видно, что человек, придя с проблемой сердца, уходил исцеленным, но начинал страшно ревновать свою жену, да так, что через год-два брак разваливался. Или начинал страшно пить, или ударялся в блуд. Те женщины, которые обращались с проблемами здоровья, будучи беременными, почти всегда пожинали плоды магии: болезни детей с самых первых дней.

К сожалению, оккультизм в нашей стране старается нацепить религиозную маску. Все действия делаются в присутствии икон, человека просят креститься, используются молитвы «Отче наш» и другие. Но это только маска и ложь. Даже само слово «заговор» означает «договор», нам же известно, что ни Христос, ни Святые Апостолы некогда не договаривались с бесами, а изгоняли их.

- С Вами вместе в Православную Церковь вступила Ваша протестантская община. Вы как-то пытались их убедить?

- Еще задолго до перехода в православие, мы в нашей общине начали изучать тему «греховные страсти», так как в протестантизме нет таких понятий. Мы решили близко познакомиться с этим православным учением, и, конечно, были удивлены и восхищены его глубиной. Мы каялись в грехах, плакали. После того, как у меня самого созрело решение перейти в православие, я предоставил всем свободу выбора. В православие перешли и наша община, и многие наши друзья и сотрудники в разных городах, но это всегда было их решение. Не мое.

Конечно, мой пример был важен – и люди задумывались: если наш пастор решил быть православным, то, наверное, это не просто так. Было много вопросов, но на них отвечал не я. Каждую неделю к нам приезжали священники: руководитель миссионерского отдела Иркутской Епархии протоиерей Вячеслав Пушкарев и настоятель храм Святой Троице в п. Усть-Ордынский иерей Сергей Кокорин. Большое им спасибо за то, что они провели с нашей общиной много и много часов, общаясь и отвечая на вопросы. Личность священника очень важна для протестанта, который впервые знакомится с православием. Эти священники показали нам весьма хороший пример пасторства.

- Планировали ли Вы стать православным священником, принимая православие? Как созрело это решение?

- Бог сделал так, что и я, и еще два брата из нашей общины стали священниками. Так как всю свою сознательную жизнь я был миссионером и жизнь нашей семьи была всегда связана со служением коренным народам Сибири, то, конечно, у меня сразу родился вопрос: что я буду делать в Православии? Могу ли я со временем стать священником? Я решил для себя сразу, что при любом ответе я все равно буду православным. Ведь без Корабля спасения как спастись? Как только наша община перешла в православие, нас благословили служить мирским чином обедницу, так как ближайший православный храм от нас находится в 60 км. Полтора года мы интенсивно изучали литургику и догматику Православной Церкви.

- Протестантский пастор и православный священник – есть ли что-то общее? В чем существенные различия?

- Действительно, есть и сходство, и различие. Сходство настоятеля и пастора – в их руководящей деятельности. Они решают финансовые и административные вопросы, причем схожими методами. Общие – и ответственность за людей, за местность, в которой расположен Храм. Но есть и существенные различия.

Во-первых, у священника есть сила решения проблем, – это Святые таинства. Исповедь есть и у протестантов, в той или иной мере, но у него нет силы в разрешительной молитве. У меня возникло ощущение, что протестантский пастор пытается решить те же проблемы, что и священник на приходе, но он это делает «голыми руками», не имея реальных инструментов для решения людских проблем. Священник же облечен благодатью священнодействия.

Если священник – это ходатай за народ, то пастор – это голос Божий для своих прихожан, их духовный руководитель. Пастор гораздо больше властвует и управляет людьми, чем священник, отсюда и постоянные проблемы в протестантизме, связанные с тоталитаризмом и авторитаризмом духовного руководства.

Священник же всем своим служением, словами Богослужения, даже облачением словно говорит – главный здесь Христос, я лишь грешный человек, незаслуженно удостоенный благодати предстоять пред Богом. Пастор же, наоборот, утверждает: если я помазан Богом как пастор, значит и мои слова и действия уже имеют, как минимум, духовный смысл, а как максимум, продиктованы Богом. Кстати, недаром один умный человек сказал, что протестанты, отвергнув Папу Римского, сотворили в каждом приходе своего Папу.

- Планируете ли Вы в дальнейшем вести диалог с протестантами? Есть ли в этом какой-то смысл?

- Наш Владыка благословил меня продолжать диалог, что я и делаю. Иначе как свидетельство о Церкви может проникнуть к протестантам? К тому же, зная изнутри проблемы и чаяния протестантов, я гораздо легче, чем другие, могу объяснять им какие-то вопросы. Для этого я открыл в интернете свой блог, даже два. Я не люблю виртуальное общение, то без него не пробиться к людям. Также мой e-mail открыт для всех, каждый может написать и задать вопрос: sibiria@bk.ru.

Вопросы приходят, и я стараюсь ответить на все. Я знаю протестантов как искренних и посветивших себя Богу людей и хочу, чтобы каждый из них вернулся домой, в Корабль спасения. Однако стараюсь воздерживаться от давления.

- Чему нам стоит поучиться у протестантов?

- Вопрос для меня сложный, думаю, что могу на него ответить более осознано лет через 10. Пока я вижу, что многие чаяния протестантов как раз находят ответ в тех или иных Православных практиках. Что я ценю в протестантах? Их искреннюю веру, жертвенность в служении Богу, глубокое желание угодить Богу.

Чему можно поучиться у них? Никогда не стесняться того, что ты христианин. Например, почти любой протестант, где бы он ни был, в кафе или на банкете, не постесняется помолиться перед едой. К сожалению, я вижу очень мало православных христиан, которые хотя бы крестятся перед едой в общественных местах. Скорее всего, это – временное явление в нашей Церкви, но все же... Второе, чему можно поучиться, – это подход к готовящимся ко крещению. Система оглашения у протестантов весьма развита. Крещенные люди в протестантизме хорошо понимают, что делают, и это дает не только количественный, но и качественный рост общин.

- Что такое в Вашем понимании быть христианином? Когда Вы впервые почувствовали себя христианином? Расскажите об опыте первой встречи с Богом.

- Христианин – тот, кто следует за Христом. Кто уверовал в Господа Иисуса Христа и, осознав свою греховность, стал на путь покаяния. Разница между обычным человеком и верующим – в степени осознания своей греховности.

Для меня христианство было осознанным выбором, который я сделал в 1992 году, в протестантской общине. Хорошо помню, как переживал осознание того, что Бог есть и что Христос умер за мои грехи, какое это вызывало во мне восхищение, покаяние, любовь.

Я старался быть христианином, и это была моя жизнь. Я каялся, читал Библию, служил, молился. Но, знаете, только теперь – в Православной Церкви – я понял, что значит полнота жизни. Можно сказать, что Бога Отца я обрел в 1992 году, а Церковь Мать – только перейдя в Православие. К Библии присоединилось Предание, объяснив мне трудные и малопонятные места; в молитву пришло правило, которое, как строительный отвес, вымеряет сердце, располагая его к покаянию. К покаянию добавилась исповедь, к служению людям присоединились Святые Таинства с силой благодатью Святого Духа. Моя жизнь наполнилась Божией благодатью.

БАСТИОН

Бастион — это сила, мощь и защита от врага. Но это не просто крепость. Бастион — это выступ из укрепления. Его гарнизон — это те, кто первыми встречают противника. Вера — наш Бастион, а самый главный противник — невидимый. Начни войну, победи себя самого, и ты выиграешь любую битву.

Главная победа моего дедушки

Анна РОМАШКО

Мой дед был двенадцатилетним мальчиком, когда удрал на фронт. Ехал под брезентом на платформе с новенькими Т-34 и попал в ремонтные войска — прямо-ком на Курскую дугу. Скупом рассказывал, про то, как стал «сыном полка», узнал на практике из чего «сделаны» танки, ходил в разведку и имел боевые медали и орден. Будучи уже курсантом училища, принимал присягу, и о своих детских наградах не помянул — по закону только после принятия боевой присяги награды «засчитываются». Дедушка даже выбросил их для порядка. Потом женился, служил в послевоенное время в Германии, воевал в Лаосе и Вьетнаме, где перенес лихорадку Бери-бери, имел ранение, и снова — боевые награды. Ушел на пенсию в звании подполковника. В семейной жизни был веселым, даже чудаковатым, и добрым. Похоронил любимую жену, заболел раком, вскоре умер — в первый день Пасхи, незадолго до этого приняв Причастие и очистившись исповедью. Носил нательный крест — старинный, казачий. Вспоминал, даже, кажется, со слезой, как тетка родная — игумения Свято-Троицкого монастыря — все звала его почитать с ней что-то на церковно-славянском, очевидно, молитвы. Тетку — игумению Евдокию — расстреляли в 1937 вместе со всеми ее насельницами. Теток и дядьев имел мой дед всего 11 — уссурийских казаков по фамилии Дубровских. Полегли на войне шестеро — под Москвой, под Брестом, под Берлином. К слову, когда дедушка мой, Павел Андреевич, пятнадцати лет вернулся с войны в отчий дом, то обнаружил и свою могилу. Семья, горестно принявшая шесть похоронок, и мальчика — своего единственного наследника — уж «схоронила». Стоит ли говорить, что за подвиги перед Отчиной дед был любовно выпорот.

Что могу сказать я о своем дедушке? Был верен — Родине, воинскому долгу, жене. Никого не предавал и пользовался всеобщим уважением. Был невысок, ладно скроен, но усы носил огромные — как истый казак. Осталась его удивительное фото, где он, уже смертельно больной, обнимает моего маленького сына, на плечи которого накинул свой пиджак с орденами и медалями. И дед, и правнук прослезились. Виден влажный блеск глаз. Отпевали дедушку пасхальным чином — не часто приходится так хоронить: путались, плакали, ликовали — незабываемые слезы. Пасхальная радость и смертное горе. Воистину Христос воскрес из мертвых! Дедушка умер, но оставил за собой победы — много побед. И самая главная из них — верная надежда на спасение, кончина, сопричастная Святым Тайнам, смерть, которую надо было заслужить всей своей жизнью. Заслужить, в том числе, молитвами, — если не своими, то произнесенными родными и чужими, подаренными Богом. Или чужих молитв не бывает?.. Уходят поколения, за которых еще возносилась церковная молитва — которые этой молитвой как спасательным кругом, держались от разложения. А на смену им приходят обезбоженные дети, внуки и правнуки. Без креста, без веры и без любви. Мы... Это нам, за которых порой и помолиться некому, нужно растить в своих душах тот Свет, который поможет выжить, одержать все победы, питать не одно поколение наших потомков. Чтобы у каждого из нас оказался свой личный день Победы — день встречи души с Богом, в сыновней радости и надежде Воскресения.

Источник: Православие и мир.

Победа и Спасение

Мы вспоминаем победу, причем победу в уникальном смысле. По милости Божией уже выросло несколько поколений не знавших большой войны людей, для которых слово "победа" означало скорее победу в футбольном матче. Что-то волнующее, радостное, но, скажем так, добавочное — что-то, без чего вполне можно обойтись. Жизнь не кончится, если наша футбольная команда проиграет. Недавно американцы ликовали по поводу уничтожения Усамы бен Ладена. Усама, конечно, злодей, и он представлял определенную опасность, но если бы они до него даже не добрались, Америка бы не погибла, а ее жители продолжали бы жить, как всегда.

Победа в той войне была вопросом жизни десятков миллионов людей, вопросом выживания русского народа и других народов восточной Европы, которым, по генеральному плану "ОСТ", предстояло не просто попасть в рабство, но и навсегда исчезнуть со страниц истории. Мы живем, потому что тогда эта победа была одержана. Мы привыкли к тому, что цена победы — упорство и профессионализм. Ценой той победы были непосильный труд и голод, тяжкие страдания и смерть неисчислимого множества людей — наших дедов и прадедов и тех, кто уже никогда не станет ничьим отцом, дедом или прадедом. К такой бездне человеческого горя и страдания можно приближаться только с осторожностью и благоговением. Поэтому так чудовищно неуместны разговоры про то, что в ту войну столкнулись, де, два сопоставимых по жестокости режима, и еще неизвестно, чья победа была бы лучше. Нет, в ту войну столкнулись безжалостные захватчики, пришедшие навсегда стереть Россию с карты мира, и защитники нашей Родины. Остальное уже не так важно. Важно с благоговением и благодарностью вспомнить тех, кому мы обязаны жизнью, тех, чьим страданием и смертью оплачено само существование нашей страны. Однако наше восприятие истории не заканчивается на этом. Как православные христиане, мы верим в то, что история обладает смыслом, что в ней действует промысел Божий, что в ней есть уроки, которые мы призваны извлечь. Мы верим, что Бог любит Россию, что у Него есть замысел о ней. Тогда почему, зачем на нашу

землю пришел весь этот ужас? В другие времена, другой народ, столкнувшийся с нашествием жестоких захватчиков, уже ставил этот вопрос. И Бог давал на него ответ: "Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит: Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня. Вол знает владетеля своего, и осел - ясли господина своего; а Израиль не знает [Меня], народ Мой не понимает. Увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные! Оставили Господа, презрели Святого Израилева, - повернулись назад. Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство? Вся голова в язвах, и все сердце исчахло. От подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и необязанные и не смягченные елеем. Земля ваша опустошена; города ваши сожжены огнем; поля ваши в ваших глазах съедают чужие; все опустело, как после разорения чужими". Дан ли этот ответ только лишь древнему Израилю? Нет. Богоотступничество, измена правой вере отцов всегда ведет к катастрофе. В эти дни многие противники Церкви вновь цитируют слова Патриарха, сказанные им два года назад: "Если мы и на эту военную катастрофу посмотрим тем взором, которым взирали на прошлое и настоящее наши благочестивые предки, то разве сможем удержаться от совершенно ясного свидетельства, что сие было наказание за грех, за страшный грех богоотступничества всего народа, за попрание святынь, за кощунство и издевательство над Церковью, над святынями, над верой". Их это приводит в немалое раздражение.

Что же, это раздражение относится не к Патриарху, а к вере в Бога как таковой. Ибо если мы верим в Бога, который является Господом человеческой истории и держит в Своих руках судьбы народов, мы верим, что ничто — особенно такое грандиозное и ужасающее событие, как война — не могло совершиться без Его промысла. Противники Патриарха предлагают нам другой взгляд на мир — Бога то ли нет, то ли ему нет дела до России. Потому что если Бог есть и Он любит Россию — а то и другое несомненно, — то именно Он указывает на неправду тех путей, которыми страна пошла после революции 1917 года. Кто-то возмущается тем, что орудием Божиего промысла в этом случае послужил Гитлер; что же, орудием промысла послужил и Иуда — все вообще, в том числе злую волю безбожных людей, Бог таинственно обращает к

исполнению Своих замыслов. Люди же несут ответственность за свои намерения — ни Гитлер, ни Иуда и не меревались служить промыслу, а следовали своим страстям. Бог видит помышления каждого сердца - тех, что движим гордыней, алчностью и властолюбием, и тех, кто, даже будучи отторгнут от Церкви, полагает душу свою за братьев своих. Победа, которую одержал наш народ, для верующего человека является знамением того, что Россия нужна Богу и Он, несмотря все наши грехи, тогда не попустил ей погнубить — не попустит и сейчас. Спасение России тогда, в те страшные годы, указывает на то, что в замысле Божиим Россия должна жить — и, значит, принести какие-то новые плоды Богу.

Сергей Худиев.

Надежда
СТЕШЕНКО-ГРИГОРЬЕВА

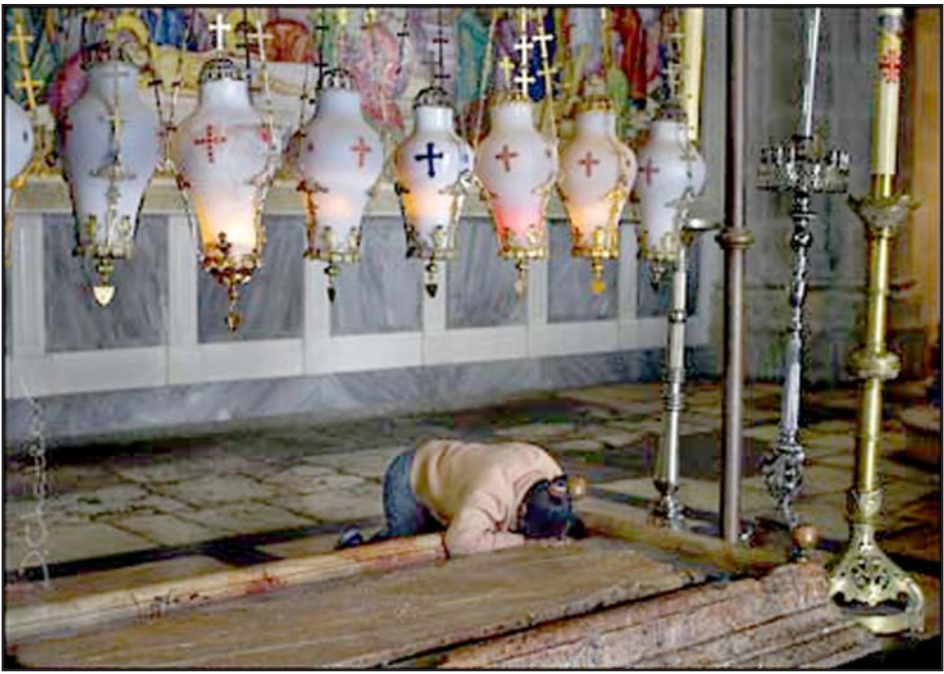
Вы давно ходите в храм. Понимаете церковную терминологию и порядок богослужения. Правильно креститесь и одеваетесь. Знаете что-то, чего не знают другие, и вам знакомы слёзы покаяния...

Не спешите радоваться. Возможно, однажды ваша «правильность» разобьётся об искреннюю неправильность другого, а ваше мнимое смирение будет смыто потоком слёз незнакомого человека. И это будет началом. Вашей веры, вашего смирения и вашего покаяния.

Синайский полуостров особенно красив осенью. Терракотовые горы рассекают безоблачное синее небо, основаниями уходя куда-то в глубины библейского «Чермного моря». На целую неделю мы убежали сюда, под кров выцветшего от времени неба Египта. Подальше от дискотек Шарм-эль-Шейха и Хургады — в пустынную Табу, где ни города, ни машин, ни людей.

Нет, люди, конечно, там есть, и немало. Но на второй день туристическое многоголосье с элементами родной речи перестаёт раздражать, и что-то наподобие умиротворения растекается по жилам. Хорошо... Если бы не одна особа. Эта полная, лет тридцати, женщина казалась воплощением всего того, что так раздражало меня в людях. Она много курила, громко смеялась, перемежая гогот вульгарными словечками. Пляж и территория отеля были такими маленькими, что неприятная незнакомка казалась вездесущей. В столовой она курила непременно за соседним столиком, на берегу всегда оказывалась так близко, что едкий дым её сигарет то и дело проникал мне в ноздри и в душу, вызывая непреодолимое отвращение к этой особе.

Так прошло несколько дней. И вот, наконец, экскурсия в Иерусалим. Эта однодневная поездка была включена в стоимость путёвки, и вся наша отельная киевская компания отправилась в путешествие. После часов стояний на границе нас, измученных и сонных, загрузили в автобус.

С моим везением я плюхнулась именно на то место, где был сломан кондиционер. Это выяснилось уже в дороге, и ладно бы он не работал вовсе — нет, он дул не переставая, и выключить его не было никакой возможности. Через полчаса у меня ныла спина, болело ухо, а впереди было ещё часов пять дороги. Муж, подставив шею холодному воздуху, дремал. А я пошла по салону автобуса в надежде прикорнуть на свободном местечке. Их было несколько. Но на мой вопрос, можно ли присесть рядом, следовали вежливые отказы моих пляжных знакомых с указанием весомых причин — вроде уставших ног или сумок на свободном сидении. Потеряв всякую надежду, я побрела обратно, как вдруг меня окликнули. Это была Лена. Та самая моя отельная «подруга». Довольно полная, она сама еле помещалась в кресле, а соседнее было уставлено пакетами. «Я сейчас», — улыбнувшись, сказала моя спасительница, одним движением записывая вещи под своё сидение. Я поблагодарила. Села рядом, мы обменялись

неловкими улыбками и парой дежурных фраз, и каждая погрузилась в свои мысли и сны. В Иерусалим мы въехали около половины седьмого утра. Храм Гроба Господня был уже открыт. Нам показали плиту Помазания, потом повели на Голгофу и, наконец, к святой святых Храма — Кувуклии. Мы с мужем уже бывали в Иерусалиме. И потому, отделившись от группы, первыми прибежали сюда. Мы так мечтали ещё раз склониться в молитве перед скорбным ложем Спасителя. И теперь не верилось, что мечта сбылась. Но Кувуклия была закрыта, и наша гид сказала, что, увы, в такую рань её не открывают. Было обидно до слёз. Мы уже собрались расходиться, как вдруг греческий монах отворил придел Ангела и жестами пригласил войти. «Видно, есть среди вас праведник, раз для вас открыли двери», — заметила гид, и мы с супругом только таинственно переглянулись. Но через минуту я поняла, для кого сегодня Господь открыл двери. Чуть в стороне от группы стояла и рыдала Лена. Я подошла к ней и спросила, что слу-

чалось. Но Лена лишь сбивчиво всхлипывала: «Ты видела? Там Она... у Неей кинжал в сердце, Ей больно!»

Да. Я видела. Наверху, на Голгофе, справа от места распятия — католический придел. Там стоит скульптура Божией Матери, сердце Которой пронзают остриё кинжала. Богородица держится за сердце, а из её глаз катятся слёзы. Я, помню, ещё отметила про себя как буквально католики проиллюстрировали слова праведного Симеона, обращённые к Деве Марии: И Тебе Самой оружие пройдёт душу (Лк. 2, 35).

Но я не плакала. Мне не было больно... Мне бывало страшно и стыдно у подножия Креста — это были слёзы покаяния. Бывало радостно и светло — это были слёзы умиления и благодарности Богу за возможность видеть всё это. В моих слезах всегда была моя личная боль, мой личный страх, моя личная просьба. Но мне никогда не было так больно за слёзы Той, имени Которой толком не знала Лена.

Всю обратную дорогу мы говорили. Лена рассказала, что работает поваром в ресторане, что она не замужем, что впервые за границей. Она мне показалась очень искренней и... застенчивой. Мы даже обменялись телефонами и в отель вернулись почти друзьями. На следующее утро дым её сигарет на пляже не казался мне уже таким противным, а смех — громким. Несколько раз в разговоре мы возвращались к поездке в Иерусалим, и каждый раз её глаза блестели от слёз. Вскоре самолёт унёс нас из синайского рая в киевские дожди. Мы так и не позвонили друг другу. Я, наверное, стыжусь своего ханжества, она — излишней откровенности. А может, просто суеда засосала. Но я знаю, зачем мне послана была эта встреча. А ещё — мне приятно осознавать, что в одном со мной городе живёт человек, в чьей груди бьётся большое, доброе сердце. Сердце, которое умеет любить и страдать. И ему бывает больно. До слёз.

Источник: Отрок.ua

Разговор о семье

10 мая нашу школу очередной раз посетил о. Аркадий Власов. Ребята были очень рады его приезду. Мы беседовали на тему "Семья". Поскольку нигде не учат тому, как создавать семью, как жить в семье и как стать в ней счастливым, то разговор был очень важен для каждого, кто уже немного начинает думать своей головой.

Батюшка говорил о том, что любовь – это единение двух людей, это то чувство, которое рождается в браке и возвращается в течение всей совместной жизни. Подобно тому, как мы бросаем в землю яблочное семечко, выращиваем саженец, прививаем его, несколько лет ухаживаем за деревом, и лишь тогда можем рассчитывать на урожай. Так и возникающая между людьми влюбленность при большом старании и терпении, уже в семье перерастает в настоящую любовь.

Время нашей беседы пролетело незаметно. Всем было очень интересно слушать священника и участвовать в рассуждениях.

Ершова Алина, ученица 9 класса МОУ «Гуляевская СОШ».

ВНИМАНИЕ! Электронную версию нашей газеты вы можете найти на сайте «Волгоград православный» <http://www.volgapprav.ru/>, в разделе «Издания».

ДОРОГИЕ БРАТЬЯ И СЕСТРЫ! ВЫ МОЖЕТЕ ПОЛУЧАТЬ НАШУ ГАЗЕТУ ПО ПОЧТЕ.
Для этого необходимо при-
слать полный адрес в редак-
цию (письмом или по элек-
тронной почте, или СМС на
телефон настоятеля храма).
Стоимость подписки - любая
посильная для вас сумма.

Редакция газеты «Избери жизнь»
примет в дар компьютер и оргтехнику

**ПРАВОСЛАВНАЯ КНИГА -
САМЫЙ ПОЛЕЗНЫЙ
ПОДАРОК ДЛЯ ДУШИ
ЛЮБОГО
ЧЕЛОВЕКА!**

В книжном магазине г. Фролово
работает секция
православной литературы.
Широкий выбор книг. Различные
молитвословы, жития святых, кни-
ги для новоначальных, духовные
рассказы, патриотические,
детские и другие издания.

Дорогие читатели!
Всякий православный христианин
в течение всей своей жизни должен
приступать к Таинствам Исповеди
и Причащения, как самым важным
Таинствам Христовой Церкви.
Если до сих пор это было вам неизвестно,
или другие причины отвлекали вас
от этих спасительных Таинств,
призываем вас устранить это
недоразумение.
Приходите к Исповеди и Причастию,
и да благословит вас Господь!

Служитель нашего храма по вашей просьбе придет на встречу с коллективом или классом, проведет беседу, ответит на вопросы. При храме работает библиотека.
По всем вопросам обращайтесь в храм ежедневно с 9.45 до 17.30. Тел. нашего храма 8.919.544.63.75, e-mail: bastion18@yandex.ru Тел. настоятеля храма священника Аркадия Власова: 8.917.838.99.28.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ! ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ИСПОЛЬЗУЙТЕ ЭТУ ГАЗЕТУ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЦЕЛЯХ. ЕСЛИ ОНА СТАЛА НЕ НУЖНА, ОТДАЙТЕ ЕЕ ДРУГИМ ЛЮДЯМ ИЛИ В БЛИЖАЙШИЙ ХРАМ.